

К 125-летию Куйбышевского драматического театра имени А. М. Горького

С именем заслуженного артиста республики Михаила Гавриловича Лазарева связаны у меня воспоминания о театральной юности, о самых первых, робких шагах в театре и театральной критике...

Медленно догорает за окном серенький декабрьский день, мы сидим с Михаилом Гавриловичем Лазаревым в его гримерной, перебираем и перелистываем небольшие тетрадки - блокноты, в которых по годам записаны каждая роль, каждый спектакль, сыгранный Лазаревым за эти двадцать лет. Разные были годы — и удачные, и не очень. Роли, как и годы, тоже разные: и центральные, и так называемые «проходные», и те, что почти забылись, и такие, что до сих пор живут в памяти и артиста, и зрителей.

Анечке Часовников в «Океане» Штейна. Начисто сняв с этого образа известный налет истеричности и мелодраматичности, Лазарев играл Часовникова неуравновешенным, вспыльчивым мальчишкой, в котором еще не перебрала юношеская дурь и поэтическая склонность к самоанализу. Характер Часовникова — Лазарева мужал и зрел на глазах у зрителя.

В нелегких скитаниях по военным дорогам выковылялся и креп характер другого героя Лазарева — Шурки Ведерникова в арбузовских «Годах странствий». Любовь к Ольге сделала Ведерникова мудрее, зорче, богаче душой, именно она, эта любовь, позволила герою Лазарева сде-

ненным опытом артист, благополучно миновав все изгибы, препятствия нелегкого актерского пути, вышел на широкую дорогу духовной раскованности и свободы. Не случайно в работах Лазарева последних лет появилась некая человеческая значительность, вероятно связанная не только со зрелостью таланта Лазарева, но и с душевной зрелостью его самого.

Одной из лучших ролей Лазарева, сыгранных им за последние два сезона, является роль профессора Серебрякова в спектакле «Дядя Ваня» по пьесе Чехова.

Серебряков в исполнении Лазарева — фигура трагикомическая. Он по-настоящему смешон, петербургский профессор, по несчастью занесен-

о том, что мало человеку любимой работы, прекрасных друзей и добрых знакомых, что человеку необходимы еще любовь и счастье...

Поначалу суровым и неприступным кажется главный врач санатория, куда приехала отдыхать из Москвы Лидия Васильевна. Металлические нотки в голосе, холодный, неприступный взгляд. Все правильно, так и полагается вести себя главному врачу с нарушающей режим больной. Но в глубине глаз его нет-нет да и мелькнет вдруг изумление перед этой уже немолодой, и такой странной женщиной. Постепенно шаг за шагом, от сцены к сцене медленно и трудно идут они навстречу, узнавая и познавая друг друга. И надо видеть лицо Родиона Николаевича — Лазарева, когда слушает он рассказ Лидии Васильевны о гибели сына. Сколько внимания, сколько грусти в его глазах... А какими молодыми и по-мальчишески озорными становятся они в превосходной сцене около ресторана, на ночной улице Риги.

Так артист снова возвращается к теме своей молодости — теме жажды счастья. Она же, эта тема, только в нескольких иной вариации звучит у Лазарева и в последней его работе — роли Цыганова в спектакле «Варвары»...

Уже перегоревшим, отжившим свое, холодным, рациональным циником появляется Цыганов — Лазарев в начале спектакля. Актер совершенно не приукрашивает своего героя, Цыганова — Лазарева мешковат и лысоват, и на лице его отчетливо видны следы прошлой бурной жизни. И только в глазах, умных, холодных, ироничных, вдруг промелькнет усталость и тоска. Он все видел, этот варвар, строящий дороги и разрушающий жизнь. Психологически тонко раскрывает актер характер Цыганова, его цинизм, его браваду, за которыми скрыты усталость и одиночество стареющего, так и не нашедшего ни счастья, ни настоящей любви человека.

И как за соломинку, как за последний шанс выплыть, хватается Цыганов — Лазарева за любовь к Надежде Монаховой. Да может это и не любовь, а так показалось, пригрезилось. И потому не очень-то он огорчается, получив отказ, ведь просто как-то понимает, слетают с него и бравада, и цинизм. Человек, проживший жизнь без настоящей любви — пуст и никому не нужен, как тухлявое дерево.

...С именем Лазарева у меня связаны воспоминания о моей театральной юности. И сейчас, спустя столько лет, вдруг покажется мне, почувдится то-ли в прищуре глаз, в повороте головы, в интонации — вдруг глянет на меня Лазарев тысяча девятьсот пятьдесят первого года, только более мудрый, спокойный, уверенный.

И. ТУМАНОВСКАЯ.

СТРАНСТВУЯ ПО ГОДАМ...

Петр в «Последних» Горького, Райский в «Обрыве», директор в забытом спектакле «Деревья умирают стоя», Олег в «Чудесном сплаве». Все это начало.

Мне кажется, что творчество Лазарева за эти двадцать лет развивалось по двум направлениям: он играл в основном людей мыслящих, жаждущих любви и справедливости. И еще людей смешных, комичных, рисуя портреты острохарактерные, резкие, порой гротесковые. И лишь где-то в последние годы оба эти направления слились в творчестве Лазарева воедино.

Я помню его Никиту Артамонова в первых картинах спектакля «Дело Артамоновых», ясного, светлого, изящного, несмотря на уродливый горб. Он весь так и светился, так и лучился внутренним светом своей любви к Наталье. И потом, случайно подслушав раздроганные слова ее о себе, Лазарев — Никита как-то на глазах потухал, застыл, чернел и становился уродливым, некрасивым, точно костеней. Обутливаясь изнутри. А еще через несколько картин он окончательно превращался в озлобленного, желчного монаха, ни во что не верящего, все низвергающего.

...Листая тонкие странички, шагаем дальше, через годы. Яго в «Отелло», Мортимер в «Марии Стюарт», Бекингем в «Ричарде III»... Своеобразная эволюция классического героя — от пылкого влюбленного шиллеровского юноши до хитрого, умного и коварного пособника Глостера.

А рядом опять страдающий от неразделенной любви к

датель в конце спектакля выбор между любовью и долгом.

С годами герой Лазарева становился старше, умреннее жизненным опытом.

Вот «Традиционный сбор», превосходный по своей духовности и нравственной силе спектакль с прекрасным актерским ансамблем. Лазарев играл в нем Александра Машкова, некогда совершившего предательство во имя любви к Агнии и страшно мучавшегося этим предательством. А как Машков светлел, молодел, распрямился на глазах в сцене с Сергеем, роль которого блестяще играл Н. Засухин. До сих пор стоит перед моими глазами сцена, когда два взрослых солидных человека вдруг превращались в прогулявших уроки мальчишек, азартно гонящихся по сцене спичечный коробок — своеобразный символ их духовного воссоединения.

Люди созданы друг для друга. Они связаны друг с другом невидимыми, но крепкими нитями, и в душе каждого каждому отведено определенное место. Люди едины, и в этом единстве находят они силу и очищение — таков нравственный, идейный итог и всего спектакля в целом, и очень важного для его решения образа Александра Машкова, созданного артистом Лазаревым.

Мне кажется, что у каждого актера наступает пик художественной формы, когда он находится в высшей стадии своего мастерства. У одних этот «пик» наступает в молодости, у других значительно позже, у Михаила Гавриловича Лазарева он наступил, по-моему, в последние годы, когда умудренный жиз-

ный в имение Войницкого, углубленный в свою подрагу, в свои книги, и ничего вокруг себя не замечающий. Но раскрывая смешную и нелепую сторону образа Серебрякова, Лазарев в то же время относится к нему без предвзятости, по-чеховски выстраивая и логику жизни самого Серебрякова. Да, от его эгоизма страдает Елена Андреевна, страдает Войницкий, страдают другие люди, но это отнюдь не означает, что он намеренно их обижает. Напротив, Серебряков — Лазарев искренне убежден, что от продажи имени всем будет хорошо, и по-детски искренне удивлен, что его понимают как-то по-другому, и долго не может сообразить, почему так разгневал его гениальный проект дядю Ваню. Он по-настоящему страдает от этого непонимания, в растерянности переводит глаза с одного лица на другое, ища поддержки, и не найдя ее, обижено поджимает губы, как ребенок, потерявший любимую игрушку. Серебряков — Лазарева смешон в своем мнимом былом профессорском величии. Но он не профан, не мыльный пузырь. В свое время он действительно читал лекции, писал книги — нес идеи и не заметил, как ушло его время, идеи устарели, и сам он превратился в никому не нужного, жалкого, хорящегося болтуна.

Родион Николаевич из «Старомодной комедии» Алексея Арбузова на сегодняшний день самый любимый герой Лазарева. Да и как может быть иначе, если в блестящем дуэте с Верой Александровной Ершовой, несут они в зал очень современную мысль